

306 мм

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. НОВЫЙ САТИРИКОН III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 30

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

23 ЮЛЯ.

У ПАРАДНАГО ПОДЪЪЗДА.

Рис. Ре-ми.

и.р.

ПЕРЕМѢНА КУРСА.

Новое время: — Я думаю, господин лакей, въ красную красочку себя выкрасить, а (про себя) курсъ перемѣнится — скажу, что это меня на передовыхъ позиціяхъ ранили.

Земщина: — Чортъ возьми! Только что черной краски на цѣлый полтинникъ купилъ... А какъ думаешь, господин лакей, дадутъ субсидію на красную краску?

Рис. А. Радакова.

ИЗБРАННЫМЪ.

Врагъ тронуть смѣлъ великій край.
Врагъ тронуть смѣлъ тебя, — Россію!
Онъ крикнулъ дерзостно, — сгибай
Свою несогнутую выю! —

И сѣрый сонмъ богатырей
На крикъ отвѣтили лязгомъ стали,
И въ сердце Родины моей
Проникли гордость и печали.

И въ сердцѣ Родины моей
Любовь, и слезы, и моленья...
За тѣхъ, кто въ бурю грозныхъ дней
Свое исполнилъ назначенье!

И вы, кого народъ избралъ,
Кому свои повѣдалъ бѣды,
Почтите тѣхъ, кто въ битвѣ палъ,
Желаньемъ до конца побѣды.

Средь грома битвѣ, услышавъ васъ,
Пусть вамъ повѣритъ пахарь-воинъ!
Пусть знаетъ онъ, что въ грозный часъ
Имъ избранный — его достоинъ.

NIHIL.

Я часто прохожу дворомъ къ себѣ во флигель
И вижу каждый разъ подъ будкой у воротъ,
Собаку старую съ латинской кличкой «Nihil»:
Студенты звали такъ, и дворникъ такъ зоветъ.

Умѣло брошена студенческая кличка.
Вы знаете ли взгляды, когда еще онъ живъ,
Но въ немъ уже «ничто»? И если бъ не привычка
Дремать здѣсь у воротъ, на лапы положивъ

Свою спокойную всезнающую морду,
Собака старая издохла бы давно:
Такъ всѣми благами пресыщенному лорду
Бываетъ — жить ли, умереть ли — все равно.

Я никогда не видѣлъ столько безразличья
Ко всѣмъ и ко всему. Такой покой нельзя
Напрасно нарушать, но — чудится — поклить я,
Она не шевельнетъ зрачкомъ, по мнѣ скользя.

Вдаль простирая взоръ и старческія скулы,
Поросшія сѣдой лохматой бородой,
Она молчитъ. Слышны ль ей городскіе гулы,
И лай собакъ, и хохотъ дворни молодой?

Надъ ней рой жалящихъ, звенящихъ насѣкомыхъ.
Взмахнуть на нихъ хвостомъ... да стоитъ ли того?
Она похожа на кого-то изъ знакомыхъ,
Но только вспомнить не могу я, на кого.

Ал. Вознесенскій.

НЕ ТЕЧЕТЪ РѢКА ОБРАТНО...

Въ ресторанѣ, за бутылкой квасу:
— Чего ты вдругъ заплакалъ, чудакъ?
— Да вспомнилъ я, какъ три года тому назадъ на именинахъ у Иванъ-Акимыча коньякъ мы пили... Ушелъ я тогда отъ него, а въ рюмкѣ почти на двѣ трети коньяку осталось!..

УМНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Я вспоминаю Вовку такимъ, какимъ онъ былъ въ 5 лѣтъ — худенькимъ, кудрявымъ мальчикомъ, съ бѣлыми тонкими ручонками, влажными розовыми губами и большими сѣрыми глазами, умно и вдумчиво глядѣвшими на міръ Божій.

Ему было всего 4½ года, этому Вовкѣ, а по уму и сообразительности ему можно было дать не менѣе полутора года лѣтъ.

Поступокъ его съ «книжкой для раскрашиванія водой» явно вызвалъ съ моей стороны репрессію (я поставилъ Вовку носомъ въ граммофонную трубу, а за обѣдомъ посыпалъ солью его мороженное), но втайнѣ этотъ мальчишка привелъ меня въ восхищеніе...

* * *

— Дядя, что это? — съ дрожью любопытства и радости спросилъ Вовка, разворачивая принесенную мною книжку... — Ой, что это? На книжкѣ бѣлые листы съ черточками, а тутъ вонъ кисточка, а красковъ нѣту... Чѣмъ же его раскрашивать, если красковъ нѣту?

— Прежде всего, не красковъ, а красокъ.

— Куда же ты дѣлъ красокъ?

— Не «красокъ дѣлъ», а краски.

— Ну, ладно. Я же спрашиваю: никакихъ краски нѣтъ?

— Красокъ, а не краски, — неумолимо поправилъ я.

— Ну, хорошо! Я же тебя спрашиваю русскимъ языкомъ: гдѣ же такіе, черненькіе, желтенькіе, голубенькіе кружочки, которыми раскрашиваютъ?

— Ахъ, ты мошенникъ! Въ обходъ пустился? Ну, да Богъ съ тобой... Красокъ, братъ, здѣсь не полагается. Нужна просто вода... Ты обмакнешь кисточку въ стаканъ съ водой и потомъ поведешь тутъ вотъ, около этихъ темныхъ линий. Отъ воды сразу и проступаетъ: гдѣ должна быть синяя, тамъ — синяя, гдѣ желтая — тамъ желтая. Видишь — я вожу безцвѣтной водой по этимъ черточкамъ, а получается цвѣтной пѣтухъ: гребень красный, перья желтыя, а крылья черныя... Видаль?

Внѣ себя отъ восторга глядѣлъ Вовка на меня съ остолбенѣлымъ видомъ.

— Прямо чудо! — сказалъ онъ.

— То-то и оно. На, рисуй.

Вовка налегъ грудью на край стола и, прикусивъ зубами языкъ, сталъ прилежно водить кисточкой по намѣченнымъ линиямъ; а я усѣлся читать газеты.

* * *

Черезъ пять минутъ я тихонько заглянулъ черезъ Вовкино плечо...

Оказалось, что Вовка чрезвычайно упростилъ задачу: онъ мазалъ кистью безъ разбора отъ одного края бумаги до

другого — совершенно игнорируя темные черточки. Конечно, результат получился тот же: куда ни попадала вода — на томъ мѣстѣ, попрежнему, ярко выступалъ необходимый тонъ. Кропотливая работа сразу сократилась на девять десятых...

Раскрасивъ такимъ простымъ приѣмомъ первый листъ, Вовка пересчиталъ послѣдующіе (двадцать три), призадумался немного, и потомъ, бросивъ на меня косою взглядъ, потихоньку сползъ со стула... Положилъ подмышку чудесную книгу, еще разъ оглянулся и выскользнулъ въ дверь.

Однимъ глазомъ изъ-за края газеты я слѣдилъ за нимъ.

Меня заинтересовало: какая мысль пришла въ голову этому замысловатому мальчишкѣ?

* * *

Нашелъ я его въ кухнѣ...

Присѣвъ на корточки надъ ведромъ, и погрузивъ обѣ руки въ воду, онъ смиренно сидѣлъ съ такимъ выраженіемъ лица, будто только что своими руками потопилъ котенка и теперь спокойно выжидаетъ того момента, когда котенокъ подъ водой совершенно захлебнется и издохнетъ.

Увидя меня, Вовка немного сконфузился, но стойко выдержалъ мой изумленный взглядъ.

— Что у тебя тамъ въ ведрѣ съ водой?

— Руки мои.

— А въ рукахъ что?

— Твоя книжка.

— Зачѣмъ же ты ее утопилъ?

— Кто тамъ ее топилъ. Я только положилъ въ воду.

Чѣмъ мнѣ раскрашивать каждый листъ, я ее просто сразу всю намочу. Да ты не бойся: картинки, все равно, появятся.

Дѣйствительно, картинки проступили на бумагѣ даже при такой оптовой примитивной работѣ.

Удивительный мальчишка былъ этотъ Вовка!

Когда мнѣ говорятъ, что Россія радикально очищена отъ русскихъ нѣмцевъ — я вспоминаю своего племянника Вовку: въ первые мѣсяцы войны мы, русскіе, дѣлали съ нѣмцами то же, что и Вовка въ началѣ работы: нѣжно и тщательно обводили мы тѣ черточки, которые ограничивали наиболѣе густыя нѣмецкія гнѣзда. Въ настоящее время мы взяли за дѣло энергичнѣе и уже дѣлаемъ Вовкину работу второго періода: мы широкими взмахами кисти обмываемъ одну площадку за другой... Но работа эта все же кропотливая и хватить ее надолго...

О, если бы мой Вовка занималъ въ настоящее время какой-нибудь постъ, имѣющій отношеніе къ борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ въ Россіи... Онъ не смывалъ бы крохотной кисточкой отдѣльные нѣмецкіе листики, а бросилъ бы сразу всю нѣмецкую книгу въ огромное ведро съ дезинфицирующей жидкостью — и то, что мы, русскіе, дѣлаемъ мѣсяцами, — было бы сдѣлано въ три дня — для этого нужно только имѣть Вовкино мужество и прямолинейность!

Аркадій Аверченко.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

вышло изъ печати второе изданіе книги

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Иллюстраціи А. РАДАКОВА.

РУССКІЕ АНЕКДОТЫ.

„Въ нѣкоей губерніи, въ связи съ установленіемъ порчи телеграфныхъ „стаканчиковъ“ подростками, проектируется удалить подростковъ изо всѣхъ селеній, вблизи которыхъ проходитъ телеграфъ“.

Близъ Глупова шоссе
Изрыто чрезвычайно,
Видали это всѣ,
А кто виновенъ — тайна.
И глуповскій Шерлокъ
Рѣшилъ безъ промедленья
Раскрыть въ ближайшій срокъ
Картину преступленья.
Пустилъ всѣ средства въ ходъ,
Весь міръ забылъ въ работѣ,
Проходитъ годъ
И вотъ —
Порокъ на эшафотѣ!

I.

Путемъ опроса и облавъ
Организація открыта:
Трехлѣтній Тиньтиковъ, Евграфъ,
Трехлѣтній Карасевъ, Никита
И, наконецъ, Петровъ, Нефедъ,
Такихъ же лѣтъ.
Они въ дождливую погоду
Изъ дому выползали всѣ
И, отводя съ дороги воду,
Преступно портили шоссе.
Цѣль злодѣянія — забава:
Любовь кораблики пускать,
Но преступленья противъ права
Нещадно слѣдуетъ карать!»

II.

«Въ виду установленья
Картины преступленья
Преступники: Евграфъ,
Нефедъ и Аникита —
Лишаются всѣхъ правъ
И преимуществъ быта:
Въ томъ мѣстѣ трое всѣ
Не могутъ ужъ селиться,
Близъ коего шоссе
Змѣится!»

III.

«Дабы предупредить
Грѣшки такого рода,
Сіе распространить
На всѣхъ, кому три года.
Да твердо знаютъ всѣ,
Кого это касается:
Селиться близъ шоссе
Трехлѣтнимъ — *встрѣчается*».

Василій Князевъ.

Рис. В. Лебедева.

Въ газетѣ „Neue Freie Presse“ напечатана статья, неслыханная по своему гнусному цинизму:

„Рыбы, омары, спруты и т. д. обитающіе въ Адриатикѣ, давно уже не переживали столь счастливыхъ временъ. Въ южной части Адриатическаго моря они лакомятся трупами французскихъ моряковъ съ крейсера „Леонъ Гамбетта“. Имъ выпало роскошное пиршество, такъ какъ почти весь экипажъ крейсера пошелъ ко дну.“

Не хуже обстоятъ дѣла обитателей Средне-Адриатическихъ водъ. Судьба оказалась милостивой къ нимъ: насущной пищей для нихъ служатъ итальянцы, погибшіе на „Turbine“. Въ сѣверной же части Адриатики пиршественный столъ морской фауны становится съ каждымъ днемъ все роскошнѣе.

Съ потопленіемъ крейсера „Амальфи“ богатство и разнообразіе подводнаго царства обогатилось цѣнными приобрѣтеніями. Дно покрылось обломками боеваго судна, на поверхности же плаваютъ разлагающіяся тѣла „братьевъ-освободителей“. („Бирж. Вѣдом.“.)

Господь, покарай Англію. (Нѣмецкій гимнъ.)

Вильгельмъ II: — Ыщите крабовъ и омаровъ до тошноты, до расстройства желудка... Нужно, чтобы, по крайней мѣрѣ, каждый съѣлъ въ суммѣ по одному англичанину...

ПЕЧАТЬ И ВОЙНА.

I. „ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ“.

(Въ садовомъ буфетѣ ужинають за нѣсколькими сосѣдними столиками «военные корреспонденты».)

ПЕРВЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

(замѣтивъ за сосѣднимъ столикомъ коллегу.)

Кого я вижу!! Вотъ такъ чудо!

Не ожидалъ я встрѣтить васъ:

Вѣдь, вы поѣхали въ Эльзась!..

Писали часто вы оттуда,

И я запоемъ васъ читаль!..

ВТОРОЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Благодарю. Не ожидалъ!..

Да, у меня сноровки масса!

Плѣняю я газетный міръ:

Свои я «Письма изъ Эльзаса»

Всегда пишу къ кафе «Ампиръ»!..

Гдѣ вы, коллега?

ПЕРВЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ» (закусывая).

У Эпаржа...

Пишу я въ двѣ недѣли разъ...

Какая вкусная здѣсь спаржа!

Мнѣ угостить позвольте васъ...

(Замѣтивъ третьяго журналиста.)

Коллега, вы?! Вотъ удивили!

Гдѣ вы, коллега?

ТРЕТИЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Я — въ Предилли.

Пишу, поправши стыдъ и срамъ,

Въ недѣлю тридцать телеграммъ!..

(Замѣтивъ двухъ знакомыхъ журналистовъ.)

О, батюшки!.. Гляжу, въ испугъ,

На васъ, коллеги...

ЧЕТВЕРТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ» (успокаивающе).

Я — на Бугѣ...

ТРЕТИЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

А вы? Въ Каттаро вы никакъ?

ПЯТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ» (гордо).

Теперь беру я — Зунгулдакъ,

(Шопотомъ.)

И «шпарю» — вотъ въ чемъ интересъ-то! —

Я изъ Аюинъ и Букараста!..

Кто тамъ сидитъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Корреспондентъ.

ПЯТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Фронтъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Итальянскій.

ПЯТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Городъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Трентъ.

(Обращаясь къ мимо проходящему знакомому журналисту.)

Пардонъ, гдѣ вы теперь, коллега?

ШЕСТОЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ».

Сижу въ районѣ Фальцарего, —

Авансомъ крупнымъ вдохновленъ, —

А завтра ѣду въ Портъ-Шалонъ!..

ПЕРВЫЙ «КОРРЕСПОНДЕНТЪ» (торжественно).

Чтобъ скрасить рѣдкіе моменты,

Которыхъ ярче въ мірѣ нѣтъ, —

Военные корреспонденты,

Не перейти ль намъ — въ кабинетъ?

(Предложеніе принимается съ энтузіазмомъ.)

Михаиль Пустынинъ.

II. ТОЛСТЫЕ ЖУРНАЛЫ И ВОЙНА.

Яковъ Корюшка, первый «военный бытовикъ» нашего времени, долженъ былъ написать три военныхъ разсказа для трехъ толстыхъ журналовъ:

«Вѣстника Европы», «Русскихъ Записокъ» и «Современнаго Мира».

— Для «Вѣстника Европы», — рѣшилъ Корюшка, — нужно что-нибудь такое эдакое, европейское.

Въ этомъ журналѣ самъ Вольтеръ работалъ, а Золя и Альфонсъ Додэ до сихъ поръ, кажется, работаютъ. Для нихъ нужно такой разсказъ, чтобы былъ похожъ на переводъ съ французскаго. И Яковъ Корюшка написалъ:

I. Эмиль Печерыця.

Рядовой Эмиль Печерыця четвертый день лежалъ въ окопахъ и лихо стрѣлялъ изъ своего карабина. Было холодно. Съ запада дулъ снѣгъ съ грозой, слѣпя глаза. Было скучно.

— Товарищъ! — сказалъ Эмиль, обратившись въ сторону своего коллеги Антуана Лебекина. — Не сдѣлать ли намъ une petite вылазку въ сторону нашего врага?

— О-ля-ля. Идетъ! — отвѣтилъ Лебекинъ. — Лихо поработаемъ.

Сказано-сдѣлано. Вскинувъ карабины на плечи, Эмиль и Антуанъ заплѣли боевую пѣсню и пошли впередъ.

Морозъ, усиливаемый холодомъ, становился все максимальнѣе и даже началъ трещать.

Когда прошелъ часъ, товарищи, оставшіеся въ окопахъ, стали беспокоиться. Пошли искать ихъ. Нашли ихъ только подъ утро. Нашли ихъ замерзшими, почти у самыхъ неприятельскихъ траншей.

Рядомъ съ ними стояли и ждали своей участи сорокъ неприятельскихъ солдатъ, взятыхъ Эмилемъ и Антуаномъ въ плѣнъ.

«Вѣстникъ Европы» облизалъ отъ удовольствія пальчики и напечаталъ разсказъ. Яковъ Корюшка сѣлъ писать для «Русскихъ Записокъ».

II. Встрепенулись.

Алексѣй Добродушный былъ легко раненъ въ ногу. Его хотѣли положить на носилки, но онъ заявилъ:

— До лазарета двадцать шаговъ. Дойду пѣшкомъ.

Пошелъ Алексѣй Добродушный. Въ полдень онъ нагналъ маленькаго стрѣлка.

— Куда идешь? — спросилъ Добродушный.

— Въ лазаретъ. Раненъ.

— А какъ зовутъ?

— Борухъ Янкелевичъ.

— Хорошо, братъ! Всѣ мы братья, всѣ равны, что еврей, что русскій. Пойдемъ вмѣстѣ.

Пошли. Часа черезъ три Янкелевичъ сказалъ:

— Что-то маячитъ впереди. Какъ будто армянинъ.

Дѣйствительно, они вскорѣ поравнялись съ солдатикомъ армянской наружности.

— Въ лазаретъ идешь?

— Въ лазаретъ на перевязку.

— Пойдемъ вмѣстѣ, братъ, веселѣе будетъ.

Пошли. Къ сумеркамъ ихъ нагналъ грузинъ, а когда стемнѣло, они нагнали татарина и латыша.

— Темно! — сказалъ Алексѣй Добродушный. — Не отдохнуть ли намъ, братья?

Всѣ сѣли въ кружокъ. Добродушный досталъ изъ голенища немного крупы и сварилъ кашу.

Была на всѣхъ одна ложка, и ѣли по очереди. Каждый, съѣвъ ложку каши, передавалъ ложку сосѣду.

Хорошо было. Улыбались обнявшіяся звѣзды.

Въ «Русскихъ Запискахъ» облизали пальчики и напечатали разсказъ. Яковъ Корюшка принялся писать для «Современнаго Мира»:

III. Прозрѣвшій пролетаріатъ.

Ночь спустилась надъ брустверомъ, гдѣ подъ тѣнистымъ деревомъ сидѣли и разговаривали два товарища — Иванъ Сознательный и Степанъ Митинговъ.

— Какъ вдарила война, — тихо разсказывалъ Сознательный, — во мнѣ заговорило ретивое. Теперь, говорю, каждый пролетарій, который соединяется, обязанъ чувствовать, что буржуи и капиталистическій строй, которые противъ восьмичасоваго рабочаго труда...

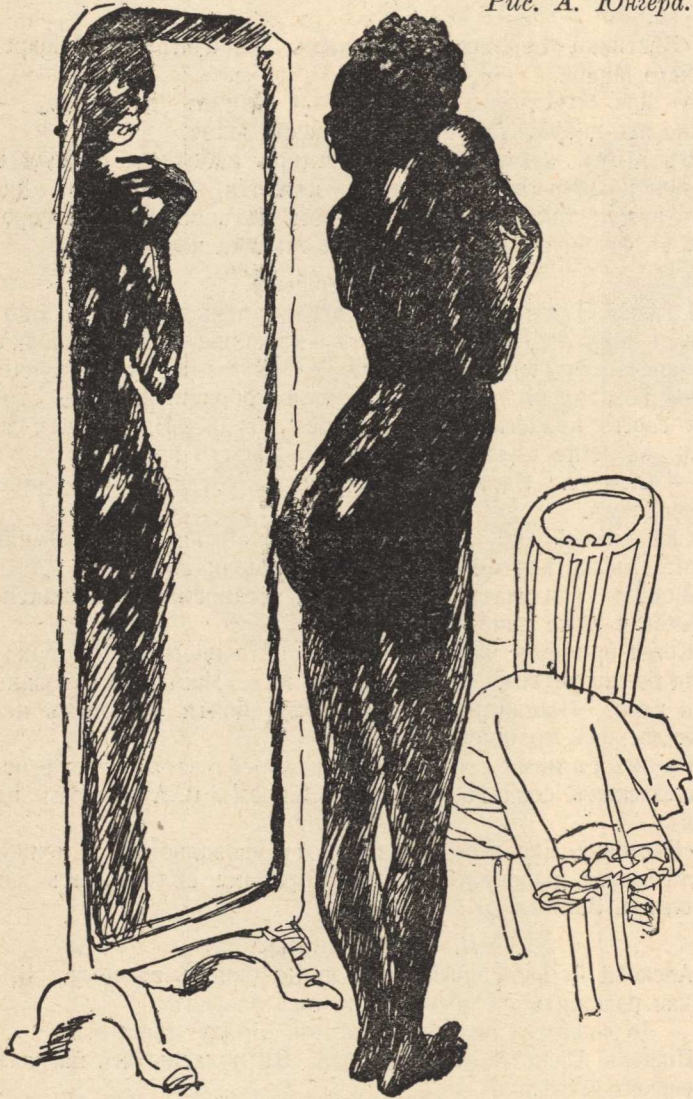
Дальше не читали въ «Современномъ Мірѣ», а, облизавъ пальчики, послали въ наборъ.

Яковъ Корюшка обошелъ всѣ редакціи, получилъ гоноرارъ и, довольный, поѣхалъ въ свою траншею... въ Шувалово.

О. Л. Д'Орль.

КАЖДОМУ—СВОЕ.

Рис. А. Юнгера.

ВЪ УБОРНОЙ ШАНТАНА.

Негрятянка: — Можно подумать, что весь Петроградъ съ ума сошелъ: въ двадцати магазинахъ русскимъ языкомъ просила дать мнѣ трико тѣлеснаго цвѣта — и что же? Всюду мнѣ предлагали розовое!..

ТЕПЛОЕ СЛОВО КОЕ-КАКИМЪ ПОРОКАМЪ.

Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь,
Бухгалтеръ или бухгалтерова помощница,
Ты, чье лицо отъ дѣлъ и тосчищи —
Помятое и зеленое, какъ трешница,

Портной, напимѣрь. Чего ты ради
Эти брюки принесъ къ примѣркѣ.
У тебя совершенно нѣту дядей,
А если есть, то небогатый, не мреть, и не въ Америкѣ.

Говорю тебѣ я, начитанный и умный:
Ни Пушкинъ, ни Щепкинъ, ни Врубель,
Ни строкъ, ни позѣ, ни краскѣ надуманной
Не вѣрили, — а вѣрили въ рубль.

Живешь уютить и ножницами раниться.
Уже сѣдиною бороду перевиль,
А видалъ ты когда-нибудь, какъ померанецъ
Растетъ себѣ и растетъ на деревѣ?

Потѣете и трудитесь, трудитесь и потѣете,
Вытелятся и вытянутся какія-то дѣти,
Мальчики-бухгалтеры, дѣвочки-помощницы, тѣ и тѣ
Будутъ потѣть, какъ потѣли эти.

А вчера, не насилуемый никѣмъ,
Просто,
Снялъ въ желѣзку по шестой рукѣ
Три тысячи двѣсти со ста.

Ничего, если приложивши палець ко рту
Зубоскалять, будто помогъ тѣмъ,
Что у меня такой-то и такой-то тузь
Мягко помѣченъ ногтемъ.

Игроческіе глаза изъ ночи
Блестѣли, какъ два рубля,
Я разгружалъ какого-то, какъ настойчивый рабочій
Разгружаетъ трюмъ корабля.

Слава тому, кто первый нашель,
Какъ безъ труда и хитрости,
Чистоплотно и хорошо
Карманы ближнему вывернуть и вытрясти!

И когда говорятъ мнѣ про трудъ и еще и еще,
Будто хрѣнъ натирають на заржавленной теркѣ,
Я ласково спрашиваю, взявъ за плечо:
«А вы покупаете къ пятеркѣ?»

Вл. Маяковскій

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Послѣдній ресурсъ.

— Веревочка? — говорилъ Хлестаковскій Осипъ. — Давай сюда и веревочку...

КОПЕНГАГЕНЪ, Изъ Рима сообщаютъ, что тамъ ходятъ слухи о возникшемъ въ Германіи проектѣ мобилизації женциаль.

Мужскіе запасы, очевидно, уже почти израсходованы; дѣтскіе запасы — тоже.

Кого будетъ мобилизовать Вильгельмъ, когда и женскіе запасы израсходуются?

Можетъ быть, тогда ему только и останется — мобилизовать свои чемоданы и крикнуть:

— Извозчикъ! На Чортовъ островъ — пять марокъ! Последнія.

Примитивъ.

Всякую, самую сложную задачу можно чрезвычайно упростить, свести до пустяка, простого, какъ палець...

Для этого нужно только быть туркомъ.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что въ виду недостаточности и плохого оборудованія санитарной службы, а также огромнаго наплыва раненыхъ, многихъ изъ нихъ убиваютъ на мѣстѣ, когда раны представляются опасными.

Порядокъ этого дѣла, очевидно, таковъ:

Хирургъ осматриваетъ тяжело раненаго.

— Ну, что, докторъ? Серьезная у него рана?

— О, да, чрезвычайно серьезная.

— А лѣченіе какое вы ему пропишете?

— Радикальное, конечно. Отрѣжьте ему голову.

Подходить къ другому.

— У тебя что, голубчикъ?

— Царапина, ваше благородіе.

— А гдѣ же нога твоя?

— Ноги, собственно, нѣтъ. Да это пустое; царапина.

Стоящій подлѣ корреспондентъ нейтральной газеты умиляется:

— Какое мужество! Какое самообладаніе! Какой героизмъ!

— Будешь тутъ героемъ, — поясняетъ санитарный фельдшеръ. — Ежели безногий человѣкъ заявилъ, что у него царапина — его еще, можетъ быть, помилуютъ, но, если замѣтятъ, что рана серьезная — сейчасъ же ему устраиваютъ ту-решскую операцію — пулю въ ухо.

Награда за остроуміе.

Всякому овощу свое время и всякой остротѣ свое мѣсто. Танцовать можно на танцевальномъ вечерѣ, но нельзя пускаться въ плясъ на оспопрививательномъ пунктѣ. Игривый веселый человѣкъ можетъ пощекотать подбородокъ горничной, но отнюдь нельзя этого дѣлать, если, вмѣсто горничной, подвернется подъ руку дѣлопроизводитель казенной палаты или инспекторъ земскаго страхованія.

Эдуардъ Югановъ Тальштремъ не принялъ этого во вниманіе. Эдуардъ Югановъ Тальштремъ наказанъ за это:

Кр. Эдуардъ Югановъ Тальштремъ, проживающій въ Нарвѣ, былъ вызванъ для допроса къ приставу 3-го участка города Нарвы. На вопросъ пристава, сидѣлъ-ли онъ въ тюрьмѣ, Тальштремъ грубо отвѣтилъ:

— Сидѣлъ девять мѣсяцевъ, а потомъ уже родился...

Въ отвѣтъ приставъ усмотрѣлъ демонстративно дерзкую выходку, о чемъ и составилъ протоколъ.

На основаніи обязательнаго постановленія петроградскій губернаторъ шталмейстеръ Высочайшаго двора графъ А. В. Адлербергъ подвергнулъ Тальштрема аресту на одинъ мѣсяць.

Одинъ мѣсяць + 9 мѣсяцевъ до рожденія — итого десять мѣсяцевъ.

Для человѣка такого философскаго ума, какъ Тальштремъ — это немного.

Бѣдные турецкіе родственники.

Видѣли вы, какъ въ богатый домъ приходятъ гости — бѣдные, робкіе родственники?

Хозяйка дома поморщится и скажетъ:

— Вы что же... ничего еще не ѣли? Ну, ступайте въ столовую — тамъ сейчасъ дадутъ вамъ поѣсть. Послушайте, буфетчикъ! Дайте тамъ вчерашнюю телятину — она, кажется, съ одного бока почернѣла, рыбу дайте, которую я третьяго дня отослала на кухню, да вина поставьте... знаете, того? Того самаго, за которое я вамъ скандалъ сегодня устроила, что вы его къ столу подали...

И пьютъ бѣдные родственники кислятину и ѣдятъ они гниль нестерпимую...

Это вотъ къ чему говорится:

Сообщаютъ, что среди турецкихъ офицеровъ, особенно среди артиллеристовъ, царитъ сильное возмущеніе по поводу выработываемаго въ Константинополь отдѣленіемъ завода Круппа, слишкомъ низкаго качества орудій и снарядовъ для нуждъ турецкой арміи.

— Что это случилось съ этимъ орудіемъ?

— Гм! да!.. Дѣйствительно — все въ трещинахъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, отложите для Турціи.

— Осторожнѣе! Развѣ можно такъ швырять снаряды... взорвутся.

— О, это такіе, что не взрываются...

— Серьезно? Въ такомъ случаѣ — турки слопаютъ.

Непонятное.

„Петрогр. Газета“ сообщаетъ такую любопытную вещь:

Высочайшимъ приказомъ по министерству Императорскаго Двора лишень придворнаго званія въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества баронъ Эдуардъ Штакельбергъ.

Не особенно давно, какъ сообщалось офиціозно, баронъ Эдуардъ Штакельбергъ былъ высланъ изъ Прибалтійскаго края въ Енисейскую губернію.

Высылка послѣдовала за то, что баронъ Эд. Штакельбергъ производилъ сборы въ пользу плѣнныхъ нѣмцевъ.

Странно, ей Богу, и удивительно, ей Богу: фамилія у человѣка чисто русская, а собираетъ онъ деньги на нѣмцевъ...

Съ чего бы это?

Литература для идиотовъ.

Если въ Россіи когда-нибудь будетъ введена всеобщая обязательная грамотность, то лошади, ослы и владѣльцы кинематографовъ изъ ряда обучающихся, конечно, будутъ исключены за неспособностью.

Въ Ачинскѣ владѣлецъ одного изъ кинематографовъ такъ рекламируетъ свои картины:

„Электротеатръ „Лира“ только одинъ день ставитъ выдающуюся картину — драма въ 4-хъ частяхъ „Кумиры“. Картина эта настолько захватывающа, что на пробномъ просмотрѣ администрація театра не могла удержаться отъ слезъ. Въ ней артистъ Можухинъ превзошелъ себя. Играя главную роль, онъ плачетъ настоящими слезами, и вы видите на полотнѣ настоящія живыя слезы. Въ этой картинѣ раскрывается все величіе женской души, которая ради спасенія друга мужа публично позоритъ себя, и низость другой женской души.

Не пропускайте случая видѣть эту картину, обидно будетъ за васъ, если вы ее не увидите. Эта картина выше „Тройки“ и „Пила вино и хохотала“.

Чортъ возьми! Неужели, выше „Тройки“. А мы-то, признаться, думали, что ужъ выше „Тройки“ — ничего и быть не можетъ.

Да ужъ если жестоковѣйная администрація театра на пробномъ просмотрѣ не могла удержаться отъ слезъ, то всему можно повѣрить...

Рис. Ре-ми.

Солдаты-славяне, служащіе въ австрійской арміи, подвергаются со стороны австрійцевъ страшнымъ истязаніямъ.

(Изъ газетъ.)

АВСТРІЙСКІЕ ЛИНГВИСТЫ.

Австрійскій капитанъ: — Г. Полковникъ! У меня въ ротѣ есть нѣсколько солдатъ-славянъ, которые не понимаютъ ни одного слова команды по-нѣмецки... Какъ же я буду съ ними объясняться?

Полковникъ: — А вы попробуйте объясняться съ ними знаками. Только, чтобы знаки были на тѣлѣ. Понимаете?

ПАМЯТИ ОДНОЙ ПОКОЙНИЦЫ.

Посвящаю известнымъ мнѣ лицамъ.

Когда кого-нибудь собираются повѣсить, надъ тѣмъ, по старому русскому обычаю начинаютъ кружиться вороны. Конечно, это не общее правило и я самъ лично знаю массу людей, которые цѣлую жизнь проходили подъ воронами и ихъ еще никто не собрался повѣсить — я не хочу задѣвать личностей, но я бы могъ назвать здѣсь не мало неприятныхъ для меня людей...

О томъ, что веселые молодые люди, пишущіе и печатающіе теперь стихи, собирались повѣсить поэзію, я узналъ тоже по присутствію воронъ. Первая ворона, которую я увидѣлъ, была въ хорошо-шитой визиткѣ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ и въ ботинкахъ съ коричневымъ верхомъ.

— Эти стихи не подходятъ, — убѣжденно сказала я, возвращая рукопись, и въ видѣ оправданія добавилъ, — такъ же нельзя...

Ворона въ визиткѣ обиженно удивилась и попыталась узнать о причинахъ моего вывода.

— Ну, какъ же... Вотъ у васъ такое мѣсто здѣсь:

И я ушелъ одинъ за клиросъ,
А ты осталась за горой...
Куда, далекая, ты скрылась,
Гдѣ обаятельные взоры?

— Развѣ это не красиво? Гора тамъ, далекая, взоры такіе...

— А что же это такое клиросъ — скрылась, горой — взоры? — недовольно спросилъ я.

Я думалъ, что ворона въ визиткѣ извинится. Но она посмотрѣла на меня съ тихимъ укоромъ и коротко отрѣзала:

— Это — ассонансы.

— Значитъ, вязига и книга это рѣшмы, а выдра и пудра ассонансы? Такъ?

Онъ подумалъ и сказала убѣжденно:

— Такъ.

Я сказалъ ему одинъ ассонансъ, съ трудомъ передаваемый въ обществѣ, послѣ чего молодой поэтъ покраснѣлъ и сталъ искать шляпу. Разошлись мы непонявшими другъ друга.

* * *

— Возвращаете? Не нравится? — злоѣще спросила другая ворона, въ тужуркѣ. — Ну, конечно... Новизна пугаетъ...

— Не скажите, — пытался оправдаться я, — у меня подъ квартирой лавочка, такъ мальчишка оттуда еще въ прошломъ году углемъ писалъ противъ моего окна: Фунтъ крупы двадцать, муки восемь, а вечеромъ, если будете свободны заходить просимъ...

— Неужели же вы самага ритма не чувствуете, — сожалѣюще переспросила ворона въ тужуркѣ... Вы послушайте еще разъ:

— Была весна, теплая, такая, въ апрѣлѣ,
Капаль дождь, мокрый, пустой, и надобливый,
Мы съ тобой на лавочкѣ, втроемъ, съ зонтикомъ сидѣли,

Ты была доброй, симпатичной и смѣтливой...

— Это что? — по профессиональной привычкѣ ставилъ вопросъ ребромъ, спросилъ я.

Эта ворона тоже была убѣждена въ своей правотѣ, и мой вопросъ не засталъ ее врасплохъ.

— Безразмѣрность, — гордо сказала она, — все старое нужно...

На память обо мнѣ она унесла тоже одну безразмѣрную фразу, безъ ассонансовъ, но съ опредѣленнымъ смысломъ.

* * *

Когда я вспомнилъ, что это уже вторая ворона, я понялъ, что поэзію собираются вѣшать.

Поставили столбъ изъ ассонанса, прикрѣпили къ нему перекладину безразмѣрности и подъ тяжестью тянущихъ за ноги веселыхъ людей изъ еженедѣльниковъ и ежемѣсячниковъ, современная поэзія высунула свой языкъ.

* * *

Въ первый же день, когда поэзія была повѣшена, всѣ современные поэты почувствовали, что жить стало очень легко. У покойницы были свои нравы и правила, которыя дѣйствовали удручающе.

Молодые люди весело забѣгали по редакціямъ съ большими лотками свѣжихъ стиховъ.

Редакторы, помнившіе покойницу еще въ живыхъ, сначала пробовали усовѣщевать.

— Прочтите ваше стихотвореніе... Сами только подумайте.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Я приникъ къ тебѣ устами,
Въ этотъ день весенній...
И словами — ахъ — простыми,
Кинулъ много обѣщаній...
Ты была нѣжна, какъ ангель,
И отвѣтила мнѣ глазою:
Не туши ты въ сердцѣ факель,
Этой жизненной прозой.

— Почему глазою? — удивлялись редакторы.

— Есть еще архаическая форма: глазомъ, но мы должны все старое, все нелѣпое, все рутинное...

— Но почему же факель и ангель?

— Факель въ сердцѣ, а ангель — это, тамъ...

— Нѣтъ, не то... Если бы въ сердцѣ, это грамотнѣе было бы, но у васъ же это въ стихотвореніи...

Можно пакель поставить, или ракель.

— А что такое пакель?

— Новое слово. Пакель — это звучитъ гордо.

— Да, но, собственно, я въ первый разъ лично...

— Мы должны все старое, все нелѣпое, все рутин...

Такъ какъ это говорили всѣ, редакторы махали руками и сдавали стихи въ наборъ.

— Маберите, — говорили они наборщикамъ.

— Что такое мабирать? — удивлялись наборщики. —

Столько лѣтъ жили и никогда...

— Нужно все старое, все нелѣпое... Все, какъ это... Да, да, рутинное, — уныло говорили редакторы.

— Лаберемъ, хаберемъ, фаберемъ, — соглашались наборщики, и стихи появлялись въ печати.

* * *

Люди, которые привыкли писать обоснованныя, длинныя фразы на почтовыхъ переводахъ, въ счетоводныхъ книгахъ и на страховыхъ квитанціяхъ, стали носить стихи съ сохраненіемъ ритма въ собственной душѣ и скрытомъ смыслѣ, избѣгая шаблоннаго размѣра строчекъ.

— Вы твердо увѣрены, что это — стихи? — спрашивали осторожные редакторы. — Честное слово?

— Честно слово. Вы сами посмотрите:

— Маршрутъ у трамвая номеръ десятый
Удивительно скорый, ѣдешь и не знаешь,
Куда онъ везетъ тебя, трамвай проклятый,
И самъ не знаешь куда попадешь...

— Можетъ, все-таки вы не ту бумажку мнѣ дали, — влѣзалъ въ душу принесшаго редакторъ, — я помѣшу, все равно, всѣ такъ пишутъ, а можетъ, посмотрите въ карманахъ... Поэтъ рылся и снова давалъ честное слово.

— Тутъ еще только одна расписка и больше ничего нѣтъ. Сами смотрите: Симъ обязуюсь предъявителю сего выдать взятые у него взаимобразно до четверга восемнадцать рублей...

— Можетъ, это помѣститъ? Это какъ-то глубже, красивѣе...

— Не знаю, собственно, какъ...

— Да вы не стѣсняйтесь, мы издаемъ журналъ не считаясь съ затратами...

Поэтъ уходилъ польщенный и убившій рутину на десять рублей.

— Нужно все старое, все нелѣпое, все... — мучилась редакторская душа наединѣ сама съ собой. — Свѣжее теченіе, молодое все... Экспромты стали безумно легки.

— Я пришелъ сюда случайно,

Но радъ видѣть всѣхъ, собравшихся здѣсь необычайно, — говорили весельчаки въ семейныхъ журфиксахъ, вызывая профессионаловъ-поэтовъ на отвѣты:

— Вы, быть можетъ, и очень всему этому рады; но и мы видимъ въ вашемъ экспромтѣ нѣчто, въ родѣ заслуженной нами и вполне справедливой награды.

* * *

Я совершенно забылъ, что всѣхъ огуломъ обвинять не приходится: среди современныхъ поэтовъ есть еще многіе, придерживающіеся стараго уклада стиха. Табачныя и парфюмерныя фирмы при выпускѣ новыхъ названій папиросъ и одеколону упорно требуютъ пушкинскаго стиля. Очевидно, иначе публика уходитъ къ конкурентамъ.

Больше заступниковъ у покойницы не осталось.

Арк. Буховъ.

Г Н Ъ З Д О.

Онъ былъ, какъ всѣ. Мечтая о Гамарѣ,
 Копилъ рубли въ жестянкѣ отъ икры,
 Писалъ стихи и тренькалъ на гитарѣ,
 И изъ-подъ шляпы дыбились вихры.
 Какъ всѣхъ, чье счастье бѣдно и уныло,
 Его вела счастливая звѣзда,
 И, доведя, со вздохомъ посадила
 Въ святой уютъ семейнаго гнѣзда.
 Въ своемъ гнѣздѣ сплелись въ пріятной грудѣ
 Любовь и долгъ, отрада и пріютъ...
 Въ блаженствѣ чувствъ, онъ и въ ночной посудѣ
 Сталъ ощущать невидимый уютъ.
 Уйдя съ утра покорнымъ и радивымъ
 Тянуть перомъ ненужные слога —
 Какъ не горѣть желаньемъ справедливо

Бѣжать подъ снѣгъ роднаго очага.
 Такъ голубь не летитъ къ своей голубкѣ
 Въ сознаніи душевной чистоты,
 Какъ юнъ несетъ семейныя покупки,
 Чтобы заткнуть разинутые рты.
 Онъ — властелинъ того, что сердцу мило,
 Здѣсь всѣ и все ему принадлежитъ:
 И дѣти — утомленныя бациллы,
 И мать, что надъ бациллами дрожитъ.
 И передъ сномъ, погладивши влюбленно
 Супружескую прочную кровать,
 Онъ произноситъ нѣжно-утомленно:
 — О, Господи, какая благодать...

Арк. Буховъ.

Рис. Миссѣ.

ВЕРХЪ СИЛЫ.

- Скажите, вы очень сильный?
 — О, очень.
 — И можете бросить кого угодно?
 — О, да! Я недавно даже свою жену бросилъ съ тремя дѣтьми!..

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Одна изъ петроградскихъ газетъ публикуетъ такія воспоминанія о художникѣ Куинджи:

Едва ли многимъ извѣстно, что Куинджи сдѣлалъ операцію одному больному горлоу голубю, вставивъ ему трубочку въ шею, и этотъ голубъ потомъ долго жилъ.

Болѣло у голубя горло, вставили ему трубочку въ шею — и, все-таки, этотъ удивительный голубъ „потомъ долго жилъ“. Живучая птица! Можетъ быть, впрочемъ, онъ только приказалъ долго жить, а самъ этимъ не занимался?

Но по сравненію съ нижеслѣдующей бабочкой этотъ голубъ — мальчишка и шенокъ.

Вотъ какая была на свѣтѣ бабочка:

Кромѣ того, рассказываютъ о бабочкѣ, залетѣвшей однажды въ мастерскую А. И. и разорвавшей себѣ обо что-то крылышко. Куинджи поймалъ эту бабочку и заклеилъ ей больное крыло „синдетикономъ“.

И что же! Бабочка послѣ этого прожила много лѣтъ. Она полюбила своего спасителя, призывала къ нему и, частенько прилетая въ мастерскую, бѣла изъ рукъ художника зерно и небольшія кусочки хлѣба

Однажды съ этой бабочкой случилось второе несчастье: она зацѣпилась крыломъ за дверь и оторвала почти половину крыла (дверь уцѣлѣла). Художникъ взялъ оторванную половину крыла и съ помощью маленькаго молоточка прибилъ крохотными обойными гвоздиками оторванное крыло къ животу бабочки.

Послѣ этого бабочка прожила 8 лѣтъ, и ея чириканье часто по утрамъ пробуждало художника отъ сна.

Хорошо жить на свѣтѣ!

*

„Журналъ-Журналовъ“ проводитъ такую пряную, пикантную, съ ногъ сшибающую параллель:

Г. Станиславскій и вся его фаланга только любители (!). Г. Станиславскій нетерпимъ не только потому, что у него нѣтъ драматическаго таланта, а еще больше потому, что у него нѣтъ никакой школы драматическаго артиста. Это просто внѣ искусства.

Такъ пишетъ театральнѣй „Театръ и Искусство“ о Художественномъ театрѣ.

Художественный театръ не нравится „Театру и Искусству“.

Что же нравится, въ такомъ случаѣ, этому изысканному сверхчуткому „Театру и Искусству“?

А вотъ:

(Изъ того же номера „Т. и Иск.“)

Постановка заслуживаетъ всякихъ (!) похвалъ. Режиссеръ проявилъ столько знанія среды, столько вкуса и столько искусства въ постановкѣ массовыхъ сценъ.. Нѣкоторые моменты положительно незабываемы (!). Говоря объ исполнителяхъ, слѣдуетъ сказать, что изъ нихъ никто (!) не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека (!). Великолепная срепетовка еще разъ (!) дѣлаетъ честь режиссеру постановки.

„Журналъ-Журналовъ“ естественно спрашиваетъ:

Что же это за гениальная постановка, которая привела въ такой экстазъ не въ мѣру строгій журналъ?

Это, оказывается, не больше и не меньше, какъ кинематографическая картина въ „Олимпіи“, обозначенная въ программѣ, какъ „Роскошная, единственная по оригинальности и задумчивости (!) сюжета“.

Недаромъ какой-то французъ только замѣтилъ, что во Франціи „желуди потребляются въ большемъ количествѣ, чѣмъ ананасы“...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменныя отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Автору „Горація“. — Къ сожалѣнію, не подошло.

Куоккала. — Ивану Жандармову. — Грубо.

Б. Провинція.

Б. С—ову. — Довольно того, что стихи пишутся стихами, но если и прозаическое препроводительное письмо пишется стихами (пойдетъ мой матерьялъ иль нѣтъ — я посылаю марку на отвѣтъ. Пишите, не лѣнитесь — какъ со стихами распорядитесь) — это уже излишняя роскошь.

Губной помадой мажутъ губы, но если человѣкъ, кромѣ того, мажетъ себѣ и носъ и уши — что скажутъ о такомъ излишнѣ щедромъ человѣкѣ?

И стихи и препроводительное письмо выброшены съ гримасой отвращенія.

Славянскъ. — Е. Милину. — Недурно, но не выдержано.

Безъ города. — Автору „Случая въ Ляпкинѣ“. Отрывокъ изъ препроводительнаго письма:

„Хотите, могу дернуть (?) что-нибудь изъ духовнаго быта“.

Не будучи знакомы съ этой манерой творчества — отъ дерганья отказываемся.

„Случай“ дернули не совсѣмъ удачно.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к. на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЫТЯЖКА
ИЗЪ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ
лабораторіи
Д. КАЛЕНИЧЕНКО

ПРИМѢЧАЕТСЯ ПРИ:

Неврастении, истеріи, невраль-
гич, старческой дряхлости, ма-
локровіи, подагрѣ, артеріоскле-
розѣ, хронич. разстройствѣ
питанія, общей слабости отъ
тяжкихъ болѣзней и проч.

Отпускается изъ аптекъ по рецеп-
тамъ врачей.

Вытяжка изъ сѣменныхъ
железъ изготовляется есте-
ственнымъ путемъ.

Гг. врачамъ сѣменная вы-
тяжка лабораторіи Д. Кале-
ниченко для наблюдений вы-
сылается **БЕЗПЛАТНО.**

ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ
БЕЗПЛАТНО.

Одинъ флаконъ сѣменной
вытяжки въ продажѣ 2 р. 50 к.,
пересылка — 40 к., пересылка
свыше одного флакона —
БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Органотерапевти-
ческая лабораторія Д. Ка-
лениченко, Москва, Козлов-
скій пер., д. 10, кв. 290.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ
новѣйшее средство „SALO-
ПИЧИЛИНЪ“
дѣйствуетъ быстро и считается
рациональнымъ средствомъ. Настан-
овленіе при коробкѣ. Настоящій толь-
ко въ метал. коробкѣ по 1 р. и по
1 р. 80 к.
Одинаково хорошо дѣйствуетъ
въ острыхъ и хроническихъ слу-
чаяхъ и въ короткое время устраи-
ваетъ самыя упорныя истечения.
ДВПО: Петроградъ, Развѣзжаа
ул., 7, аптека В. Конгейма.
Продается во всѣхъ аптекахъ по
рецептамъ врачей. (27-ч. в.)
SALO-ПИЧИЛИНЪ

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1915 года, въ ПЕТРОГРАДѢ (Ивановская, 14; тел. 483-38).
ОТКРЫВАЕТСЯ ШКОЛА ПЛАСТИКИ и сценической выразительности

Кл. Л. ИСАЧЕНКО-СОКОЛОВОЙ.
Предметы преподаванія: ПЛАСТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ (АНТИЧНАЯ), мимика, ритмическая
гимнастика (сист. Жакъ Далькрозъ), сольфеджіо, хоровое пѣніе, декламация. Воѣ предметы прохо-
дятся въ одномъ общемъ планѣ. Курсъ преподаванія 2—3 года, смотря по способности учащихся.
Принимаются лица обоего пола и дѣти съ 7-лѣтн. возраста.

ОСОБЫЙ ДѢТСКІЙ КЛАССЪ. Приемныя испытанія отъ 1—15 сентября.
Программы и условия высылаются бесплатно. Съ требованіями обращаться: до 1-го августа пись-
менно, послѣ 1-го августа письменно и лично въ будни отъ 10—2 ч. дня въ канцелярію „Школы“
(Ивановская, 14); тамъ же можно видѣть образцы нужныхъ для занятій костюмовъ: хитона, гимна-
стическаго и сандалій.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

новая книга:

ОСИНОВЫЙ КОЛЪ.

(На могилу зеленого змія).

Текстъ:

АРК. АВЕРЧЕНКО, ТЭФФИ,
А. БУХОВА, И. ГУРЕВИЧА.

Иллюстраціи:

А. РАДАКОВА, РЕ-МИ и
В. ЛЕБЕДЕВА.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

6-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

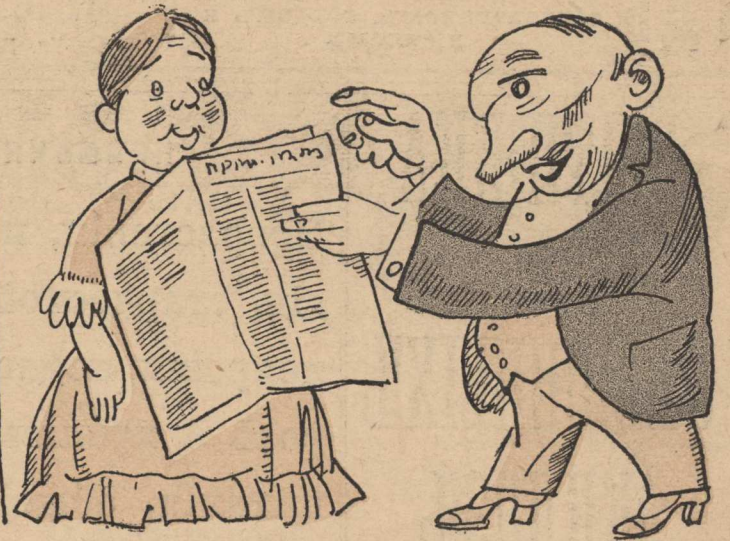
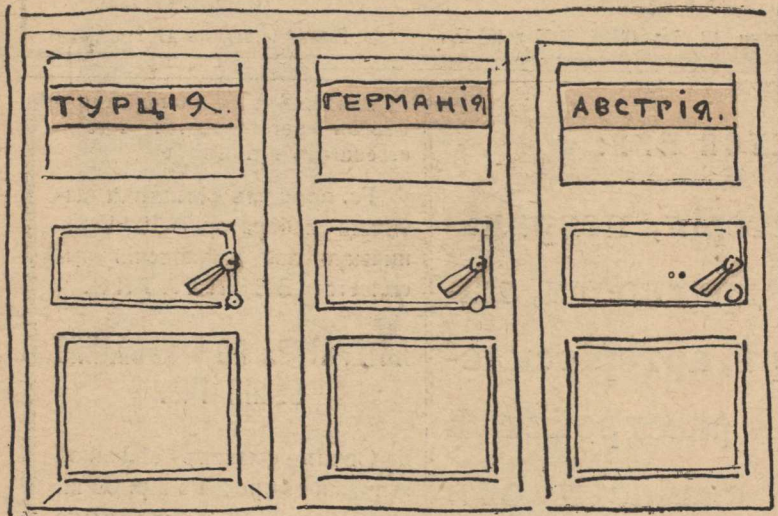
Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. — **Ц. 1 р. 25 к.**

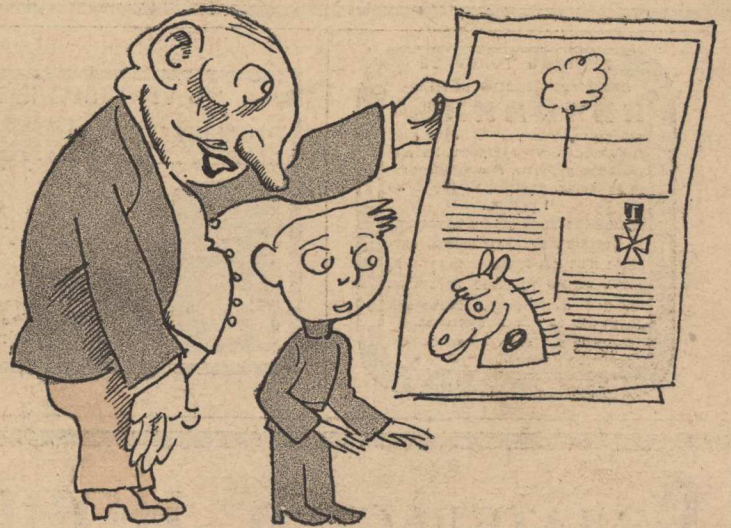
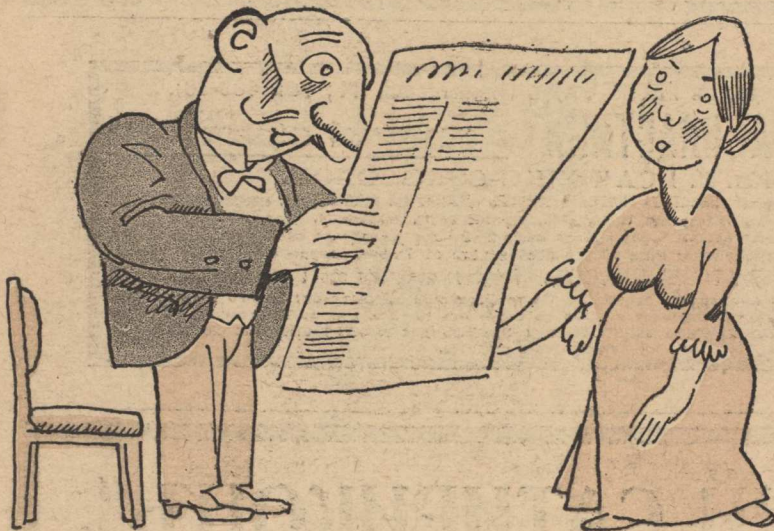
КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * **Цѣна 1 р. 25 к.**

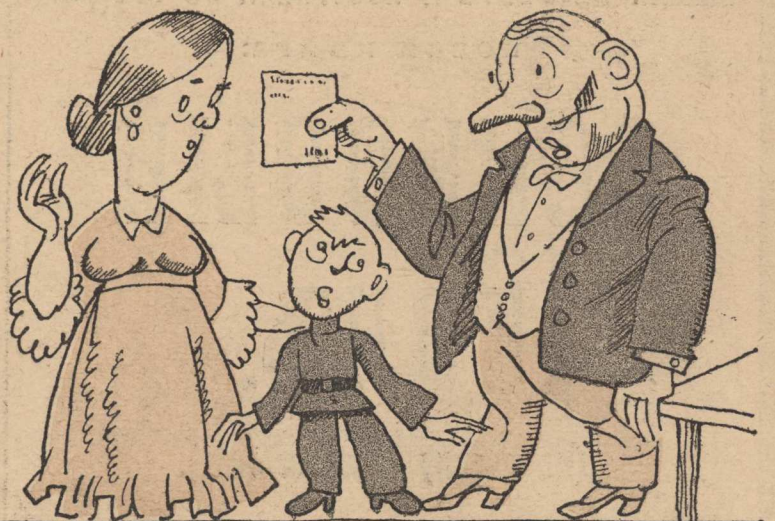
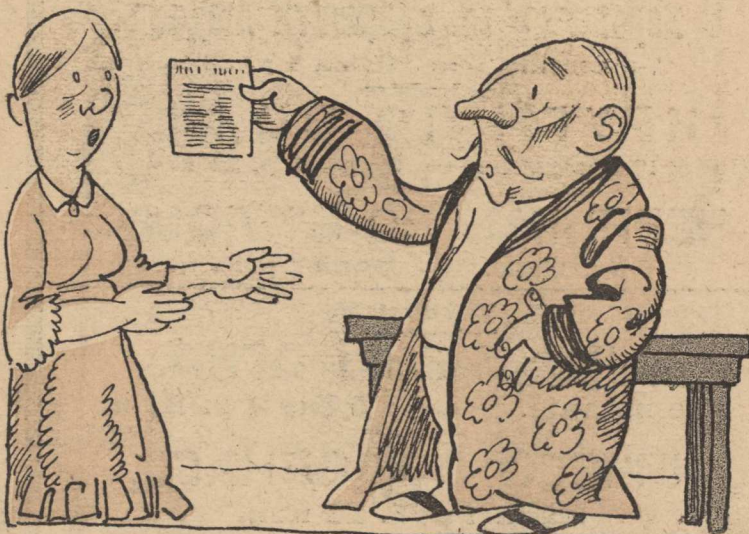
Была редакция газеты, название ее мы лучше не скажемъ, Богъ съ нимъ, и былъ рядовой читатель, Кирдюкинъ. Редакция была оборудована экономно. Благодаря ловкости редактора, въ каждой комнатѣ удалось ему помѣстить по театру военныхъ дѣйствій.

Скоро постоянный читатель газеты, Кирдюкинъ, прочелъ: — „Такъ какъ содержаніе корреспондентовъ на всѣхъ фронтахъ стоитъ огромныхъ денегъ, редакция вынуждена повысить цѣну газеты“. — Правильно! — сказалъ Кирдюкинъ, — зато все узнаемъ...

Черезъ недѣлю Кирдюкинъ читалъ: — „На передовыя позиціи нѣтъ возможности пробраться ни одному корреспонденту; не желая пичкать читателя картинками „тыла“, мы рѣшили особенно обратить вниманіе на военныя иллюстраціи; редакция имѣетъ интереснѣйшій матеріалъ“.

Кирдюкинъ смотрѣлъ интереснѣйшій матеріалъ „изъ альбома очевидца“. Дерево, мимо котораго прошли нѣмецкіе солдаты, казачья лошадь и Георгій, который получилъ рядовой Ивановъ, — съ большимъ интересомъ смотрѣлъ Кирдюкинъ, приговаривая: — лучше такъ то — глаза не портятся.

Черезъ нѣсколько дней читалъ Кирдюкинъ: — „Страшная дороговизна бумаги заставляетъ насъ, къ сожалѣнію, уменьшить форматъ, зато редакция, не повышая платы, обратитъ особенное вниманіе на содержаніе статей“.

— Умно, — согласился Кирдюкинъ, — времени экономія.

Черезъ 2 дня Кирдюкинъ получилъ маленькій бѣлый листъ, на краю котораго было напечатано: — „По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, статьи напечатаны быть не могли“. Промолчалъ Кирдюкинъ, а какъ подумалъ, что время теперь лѣтнее, заболѣванія тамъ разныя, гастрическія и т. д., то сказалъ: — а, можетъ, это и къ лучшему! — и успокоился на этихъ словахъ, на все согласный Кирдюкинъ. Эхъ! тошно жить отъ господъ Кирдюкиныхъ.